

Доклад 1.

Русская идея в условиях глобальных вызовов и локальных проблем

Олег Викторович Парилов

Доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры философии и теологии Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина.

Продуктивное оформление и реализация русской национальной идеи невозможны без решения локальных проблем и ответа на глобальные вызовы. Одним из общепланетарных вызовов является утверждение, в том числе в нашей стране, постмодернистских установок.

В эпоху постмодерна происходит беспрецедентное разрушение реальности. В каких формах это происходит? Первый сюжет – разрушение постмодерном абсолютных критериев: нормального и извращенного, прекрасного и безобразного, здорового и больного, нравственного и безнравственного. Утрачивая цельность, современная цивилизация неизбежно утрачивает общие смыслы, некогда скреплявшие бытие. Сама постановка вопроса о смыслах в обществе постмодерна скандализуется. Утрата высших смыслов особенно ярко проявляется в образе современного героя, «лучшего» человека. Как следствие, реальная жизнь трансформируется в свою игровую копию, симуляцию. Утрата высших смыслов, игра, вытесняющая все иные жизненные проявления в современном социуме, представляют собой второй сюжет разрушения реальности, превращения ее в симуляцию.

В авангарде постмодернистского движения идут современные Западная Европа и США, однако и Россия втягивается в пространство бессмысленных игрищ. Игра постепенно вытесняет все иные проявления. Мы живем от игры до игры (Олимпиада, затем ЧМ по футболу); лучшие люди – в центре всеобщего внимания, с баснословными гонорами – люди игры (спортсмены, шоумены).

Третий сюжет постмодерна – добровольный отказ человека от реального мира в пользу виртуальности. Реальность (дома, люди, машины) никуда не исчезает, однако миллионы людей сегодня добровольно от нее отказываются в пользу виртуальности. Виртуальность, как наи-

более яркое воплощение постмодернистских черт, все больше сегодня заменяет реальный мир.

Эпоха постмодерна наряду с разрушением реальности провозгласила концепт «смерти человека», подразумевающий трансформацию личности в иную, «более совершенную» форму. Этот концепт – своего рода бренд постмодернизма. Таким образом, на рубеже XX–XXI столетий произошла беспрецедентная мировоззренческая и технологическая революция: человек впервые согласился добровольно расстаться со своим человеческим статусом и обликом, решил для себя, а зачем упорно держаться за свой человеческий статус, если современные супертехнологии (электронные, генетические и другие) позволяют «дорабатывать человека», исключая его несовершенства; трансформировать его в более совершенные формы. Тем более что достижения современной науки (электроника, генетика) предоставляют исключительные возможности для «доработки» человека. Идея преодоления человеческого получает теоретическое обоснование в трудах современных мыслителей. Знаковой является работа Ж. Делёза «О смерти человека и сверхчеловеке». Наряду с критиками постмодернистского концепта «смерти человека»: ироничными (Ж. Бодрийяр) или яростными (В. А. Кутырев) – большинство современных авторов-постмодернистов трактуют приход постчеловеческой цивилизации как данность, неотвратимую логику истории. Некоторые авторы – западные (М. Хардт, А. Негри) и российские (И. В. Вишев) – с восторгом говорят о грядущем сотворении постлюдей. Ширится международное движение трансгуманизма.

Окончательный уход человека в виртуальность – одна из форм «смерти человека» в мире постмодерна, когда он из жителя реального мира превращается в виртуального жителя, в компьютерную программу.

Постмодернизм чрезвычайно враждебен по отношению к миру традиции; сформировавшийся на идеологии западного неолиберализма, не только стремится разрушить национально-религиозную идентичность, трактуя ее как атавизм, но и ставит под вопрос будущее человека как вида. Запад – форпост утверждения постмодерна, трансгуманизма, концепции смерти человека. Но и в Россию они проникают в качестве абсолютно постмодернистских, разрушающих человека и традиционные институты проектов. В данном контексте следует рассматривать программу тотальной цифровизации социальной жизни, вытеснения человека искусственным интеллектом.

В настоящее время постмодернистской деконструкции подвержена церковь. Церкви, как наиболее аутентичному проявлению Традиции,

изначально присуща иерархичность. Постмодерн, образуя пространство хаоса, эклектики, стремится разрушить эту упорядоченность.

Постмодерн все активнее стремится прописать церковь в виртуальном пространстве. Своеобразная точка невозврата здесь такова: интернет перестает быть инструментом (к примеру, миссионерской проповеди), но превращается в новую ризоматическую среду обитания. Создана «церковь онлайн», предлагающая молящимся монитору сетевым жителям духовные услуги: поучаствовать в виртуальной службе, поставить виртуальную свечу, заказать по сети молебен. Транслируется ли благодать по сети? Воспроизведенная на экране икона – не есть ли типичный симулякр? Церковь, мигрировавшая в онлайн, живет по законам постмодернистского виртуального пространства: интернет-войны с использованием «троллинга», «веера ником», отслеживания IP-адресов проникли даже в Русскую древлеправославную церковь, которая всегда была оплотом традиционализма¹.

Примером вовлечения церкви в постмодернистское игровое поле могут служить многочисленные «православные форумы», организуемые продвинутыми активистами, предлагающие на своих инновационных тематических площадках: презентацию компьютерной игры «Не пусти Pussy Riot в церковь», новые иконы (на одной из них Спаситель изображен с футбольным мячом), православную моду, питьевые фонтанчики со святой водой, но главное – ответ на вопрос, почему православным быть выгодно.

Возможно, приведенные выше примеры свидетельствуют о бессознательном стремлении вписаться в инновационный мейнстрим. Но некоторые одиозные личности сознательно растворяют церковь в игровом пространстве. Полагаю, не случайно организаторы постмодернистских бесовских телеспектаклей назойливо подчеркивают свою православность (Андрей Малахов).

Еще один пример утверждения постмодерна в России – форсайт-проекты «Детство 2030» и «Образование 2030» – покушение на самое святое: детство, образование, воспитание, т. е. на будущее России. Инициаторы проекта «Детство 2030», по сути, ставят цель уничтожения традиционного института семьи, поскольку, по их убеждению, де-факто данный институт уже мертв. В итоге к 2030 году, согласно Проекту, на

¹ Парилов О. В. Типологические особенности старообрядчества и славянофильства и их значение в развитии русского национального самосознания: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Нижегородский государственный педагогический университет. Нижний Новгород, 2000.

смену семье должны прийти гетто, «города детства», в которых родители сменят «профессиональные» педагоги; кроме того, предполагается поголовная типизация новорожденных младенцев – подключение мозга напрямую к интернету. Инициатором и разработчиком данного проекта выступила Общественная палата Российской Федерации. Проект «Образование 2030» (его идейные вдохновители – Московская школа управления «Сколково», Высшая школа экономики и Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов) ставит цель уничтожения традиционной образовательной системы (школы, вуза). К 2030 году разработчики проекта предсказывают тотальную миграцию в сетевое виртуальное пространство, в котором будет размыта граница между жизнью, учебой и игрой.

Успешная реализация русской идеи предполагает активное противодействие разрушительным постмодернистским установкам. Если постмодерн объявляет нацию, национальную традицию, национальную культуру атавизмом, рудиментом и даже ставит под вопрос бытие человека как вида, то, в пик этих разрушительных установок, необходимо утверждение и сохранение национальной традиции, культуры, защита нации как ценности и русской православной культуры, сбережен.

Еще один вызов, имеющий как локальное, так и глобальное прочтение, – современная деидеологизация нашей страны. С начала 2000-х годов в российском обществе все настоятельнее звучат призывы выработки единой национальной идеи. С данной инициативой выступил и президент России В. В. Путин. Очевидно, что национальная идея теснейшим образом связана с государственной идеологией, и одна без другой невозможна. Идея – для нации; идеология, как общность мировоззренческих и поведенческих ценностей граждан, – для государства. Статья 13 Конституции РФ отрицает наличие общих для граждан России мировоззренческих и поведенческих ценностей, отрицает саму возможность выработки единой государственной идеологии: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие» (п. 1) и «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»² (п. 2). То есть, с одной стороны, говорим о необходимости объединяющей нацию идеи, с другой стороны, конституционно закрепляем норму, препятствующую какой-либо гражданской солидарности. С. Л. Ивашевский справедливо считает, что «проблема

² Конституция Российской Федерации. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.constitution.ru> (дата обращения: 28.11.2022).

формирования политической идеологии, способной консолидировать российское общество... является одной из наиболее важных»³. А С. С. Сулакшин вообще полагает, что «в этой части Российской Конституции (статья 13 – О. П.) заложена формула уничтожения российской государственности»⁴.

Данная статья, актуализированная принятой в декабре 1993 года Конституцией РФ, объяснима с позиции исторических реалий России 1990-х годов. Коммунистическая идеология, сыгравшая огромную роль в индустриальном строительстве, победе над фашизмом, а главное, в формировании общности «советский народ», к исходу 1980-х годов выродилась и абсолютно дискредитировала себя. Будучи долгие годы «единственно верной», навязанной властью, она отождествилась с родовым понятием «идеология», которое в результате получило однозначно негативную коннотацию. Таким образом, борьба с коммунизмом в девяностые одновременно воспринималась и как деидеологизация. Желание отказаться от единственно верной идеологии в итоге породило идеологический вакуум.

Еще один немаловажный аспект – кризис государственности, власти в девяностые годы. Граждане России оказались свидетелями всеобщей разрухи, тотальной продажности, а главное, предательства национальных интересов. Кризис власти детерминировал кризис идеологии, поскольку последняя коррелирует с государством. Отказ от общей государственной идеологии был предопределен и тем курсом, который взяла Россия в 1990-е годы – бездумное механическое копирование европейско-американского цивилизационного опыта. В противовес коммунистической во главу угла была поставлена западно-либеральная модель; в соответствии с либеральной концепцией частные интересы индивида были объявлены приоритетными по отношению к общественным, государственным. Кроме того, насильственно насаждаемые протестантские этические установки культивировали дух всеобщей конкуренции (войны всех против всех), плюрализма, индивидуализации. Следует учесть и глобализационные процессы, в которые Россия включилась в 1990-е годы. Глобализация, как слом национально-культурных идентичностей, государственных идеологий, есть насильственное приобщение все к той

³ Ивашевский С. Л. Политическая идеология и образование: опыт и перспективы взаимодействия: монография / С. Л. Ивашевский. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2010. С. 3.

⁴ Сулакшин С. С. Что такое идеология. [Электронный ресурс] // URL: <http://sulakshin.ru/chto-takoe-ideologiya/> (дата обращения: 28.11.2022).

же западно-либеральной плюралистической парадигме, самопровозглашенной в качестве общечеловеческой. Мы отказались от идеологии, глядя на Запад, хотя США были и остаются верны своей общенациональной идеологии – знаменитой «американской мечте», воплощенной в патриотизме, вере в величие своей страны, свободе и достатке.

В настоящее время статья 13 вписывается в парадигму постмодернистского социума. Вряд ли втягивание в аморфное пространство эклектики, бессмысленных игрищ соответствует национально-государственным интересам России. Несомненно, права критики постмодерна А. Г. Дугин, В. А. Кутырев, что окончательное утверждение постмодерна знаменует конец человеческой истории.

Современная ситуация кардинально отличается от ситуации начала 1990-х годов. Восстановлен авторитет государства, власти; сильны патриотические настроения в обществе. Одновременно Запад утратил орел духовного наставника и носителя абсолютных ценностей. Мы являемся свидетелем того, как Запад разрушает те базовые ценности, которые сам же провозгласил и отстаивал как общечеловеческие на протяжении четырех столетий: равенство всех перед законом, гражданские свободы, неприкосновенность частной собственности. Осознано, что путь слепого эпигонства обрекает страну на роль духовного, а затем и экономического вассалас. При этом статья 13, препятствующая выработке общегосударственной идеологии, четверть века старательно переписывается из редакции в редакцию.

В идеологическом вакууме периодически неизбежно возникают суррогаты, подчас разрушительные, к примеру установка на обогащение и потребление. На наш взгляд, данная псевдоидеология – самый прямой путь к гибели нации, государства, так как культивирует эгоизм, дух конкуренции и разобщения, но главное, унижает человека, низводя его до уровня утробы. Однако и позитивные программы, вынесенные на повестку дня (сбережение народонаселения, здоровье нации; патриотизм, носящий абстрактный характер; повышение рождаемости), являются суррогатами идеологии. Они отражают национально-государственные *интересы*, в то время как идеология – вариация национальной *идеи*. Государственные интересы – это средства для достижения высшей глобальной цели, которую и выражает общегосударственная идеология. Что есть Россия? Куда мы идем? Каково место нашей страны в мировом геополитическом раскладе? – эти насущные вопросы по-прежнему открыты.

Таким образом, государственная идеология решает две жизненно важные задачи: 1) скрепляет граждан в единую общность – государство

(это особенно важно в силу разобщения, индивидуализации последних лет); 2) сообщает высшую цель государству, определяет его место и роль в мире. Без осознания высшей цели невозможна полноценная жизнь ни личности, ни нации, ни государства.

Необходимость общегосударственной идеологии обусловлена и ментальными особенностями российской нации. В отличие от европейца, американца, для которых аутентична либеральная идеология, ставящая во главу угла личность с ее частными интересами, россиянин – типичный государственник. Многовековые патерналистские традиции русского народа, российской нации обусловлены социально-исторически, политически. Без крепкой централизованной власти, единой скрепляющей нацию идеологии наша страна, занимающая самую большую и самую разреженную в мире территорию, имеющая беспрецедентный этнокультурный, конфессиональный состав, не выжила бы в течение десяти веков. Власть, государство, государственная идеология всегда имели и будут иметь для граждан России большое значение.

Вместе с тем де-факто национальная идеология в настоящее время артикулируется: патриотизм, защита страны от агрессивной разлагающейся западной цивилизации. Эта задача мыслится не только эмпирически, социально, но и имеет определяющее – метафизическое прочтение: это столкновение, быть может последнее в истории, сил света и тьмы. Президент абсолютно верно трактует ополчившийся на Россию современный Запад как носителя inferнального, сатанинского духа. Не случайно в риторике западного политического истеблишмента все чаще звучит термин «армагеддон». В чертах современного Запада (особенно США) нетрудно различить две ключевые черты сатанинского духа: разрушение (деструкция) и ложь, сплошные двойные стандарты. Разрушение касается не только внешних объектов («подпитка» войной, уничтожение и погружение в хаос целых государств), но и внутренних. Речь о дискредитации и уничтожении сформированных тысячелетней христианской культурой традиционных институтов (например, семьи, церкви, мирового спорта), традиционных норм морали, нравственности и, наконец, разрушении самого человека, путем размывания его традиционной – национальной, половой – идентичности.

Еще одна важная составляющая формирующейся национальной идеологии – утверждение нашей страны, в противовес западной глобализации, западному псевдомессианизму, как одного из центров многополярного мира, обеспечивающего межцивилизационный диалог на условиях признания ценностей различных культур – коррелирует с социально-исторической трактовкой русской идеи в отечественной

консервативной мысли от средневековья до настоящего времени. В качестве примера приведем опубликованное 19 ноября 2003 года открытое письмо В.В. Путину под рубрикой «Разговор с президентом о национальной идее» (всего под письмом подписалось более 460 тысяч человек – ведущие российские ученые, философы, политики и др.). Авторы трактуют призвание России как объединение разных народов на основе культуры: «Нет больше мучительных раздумий о месте России в мире. Мы – перекресток разных миров, срединная земля... Мы впитывали в себя разные народы и культуры, становясь душой мира. Русские способны обеспечить диалог разных цивилизаций как никто другой на планете»⁵.

Еще одна локальная задача – возрождение живой социальной соборности, преодоление колоссальной атомизации российского общества. Можно говорить о трех воплощениях соборности. Первое воплощение – незримое, мистическое, предполагает духовное единение членов православной церкви, как в земной ее ипостаси, так и Небесной. Второе – цивилизационное. В данном контексте соборность следует понимать как интеграцию 160 народов в рамках нашей огромной страны – цивилизации. В этой интеграции ключевая роль исторически принадлежит русскому этносу. Третье воплощение – социальное: общность, братство людей, живущих рядом. Именно социальная соборность в настоящее время переживает в России острый кризис. Соборность, наряду с государственностью и православной духовностью, является базовой чертой русской культуры, русского менталитета. Русское национальное самосознание – по сути своей собор. Соборность соотносится с глубинным онтологическим смыслом концепта «Идея», платоновским «Эйдосом»: как единое во многом. Соборность и есть социальное воплощение этого принципа, предполагает диалектическое сочетание уникальности каждого человека и живого единства, братства людей. Социально-историческим воплощением принципа соборности на протяжении практически всей русской истории (до XIX века включительно) выступала сельская община. Вслед за славянофилами В. В. Розанов, Ф. М. Достоевский и многие другие видели в русской общине основу единого народного духа, без общины не мыслили России. Но именно для русской сельской общины история XX века оказалась катастрофичной. После революции 1917 года произошло насильствен-

⁵ Разговор с президентом о национальной идее // Комсомольская правда. 2003, 19 ноября. С. 9.

ное механическое соединение крестьян в колхозах, где доминировало жесткое административное давление и, как следствие, нивелировалась внутренняя духовная свобода, ответственность, где духовная жизнь сводилась к экономическим потребностям масс при пониженном чувстве ценности и силы личности. Государственная стратегия индустриализации привела к уничтожению деревни как социального института, а с ней и сельской общины, уже 1930-е годы (время массовых репрессий) демонстрируют необратимые ментальные трансформации – уничтожение общинного сознания крестьянства. Массовая миграция в города привела к тому, что люди, отрываясь от своих общин, на новом месте уже не образовывали живого единства.

Особенно катастрофичными для общинного сознания оказались 1990-е – 2000-е годы. Тотальное разобщение явилось, во-первых, следствием хаоса – социального, экономического, политического; во-вторых, результатом огромного расслоения и массовой пропаганды индивидуализма и потребления. Исчезли последние проявления «местной» общинности – на уровне домов, дворов. Современная реальность такова, что большая скученность людей в мегаполисах парадоксально сочетается с абсолютной атомизацией, когда сосед не знает соседа. Кроме того, тотальная цифровизация жизни, массовый уход в виртуальность обернулись общением одинокого индивида с экраном монитора или смартфона.

К сожалению, на церкви, являющейся неотъемлемой частью общества, неизбежно отразилось это колоссальное разобщение. Во многих приходах мегаполисов годами на Божественных литургиях бок о бок стоят люди, не знакомые друг с другом. Вряд ли в этом случае можно говорить о взаимной любви как онтологической основе соборности.

Возможно, такое разобщение является самой трагической латентной потерей XX века для России. Соборность есть специфическая черта русского менталитета. Атомизация влечет необратимый слом национальной ментальности, а следовательно, подвергается угрозе национальная русская идентичность. Да и в целом без чувства общности нет и нации – есть население, безликое, открытое любым экспериментам над собой.

Отчасти русские философы повинны в постепенной глобализации принципа соборности и, как следствие, превращении ее в абстракцию, отвлеченную философему. Уже воспевшие русскую общину славянофилы в итоге соблазняются вселенскими мессианскими задачами русского народа. В русской христианской философии второй половины XIX – начала XX века тема соборности приобретает еще более

глобальный смысл. Так, школа В. С. Соловьева ради абстрактного всеединства пожертвовала не только русской общиной, но и в целом русским этносом. У В. С. Соловьева принцип соборности приобретает всеохватывающее значение. Ф. М. Достоевский считал русскую общину основой и зародышем великого и всеобщего согласия. Но и этот главный почвенник в итоге творческой жизни мечтает о вселенском братстве на краю человеческой истории. В XX веке предметом интереса отечественной философии стал Космос (русский космизм). В общем, в русской философии тему живого братства живых людей заслонили идеи глобальные: мессианского вселенского призвания, апокалипсиса, эсхатологии, всеединства, Космоса, евразийской цивилизации как целого.

Утвердившаяся в советское время коммунистическая идеология как «единственно верная», увы, унаследовала тот же глобализм мысли. Постулируя всемирное братство всех угнетенных народов на земле, эта идеология одновременно породила небывалое социальное взаимное отчуждение, классовую войну, в которой брат шел на брата. И в современной постсоветской России вновь возродились вселенские мессианские упования, вытесняющие тему живой общности людей. Но, как верно отмечал Ф. Достоевский, нет ничего проще, чем любить сразу все человечество. И нет ничего труднее, чем любить конкретного человека, живущего рядом.

Сегодня трудовые мигранты с Кавказа и Средней Азии, плохо знающие русский язык, не укорененные в нашу культуру, изначально не имеющие ничего (ни жилья, ни работы), немного адаптировавшись, чувствуют себя более комфортно и защищены, чем мы, коренные жители. Все вышеописанные лишения компенсируются земляческим братством, этнообщинной взаимной поддержкой.

Еще в начале 2000-х годов А. И. Солженицын писал: «Для расцвета страны нужно деятельное местное самоуправление, растущее снизу вверх. Такое самоуправление – вне системы органов государственной власти – указано в статье 12 Конституции, но его нет и никто его не создает. Однако только народное самоуправление и при том многоступенчатое – сперва местное, затем из него вырастающее районное, затем областное – только такая вертикаль самоуправления, взаимодействуя с вертикалью правительственной, может дать народу возможность определять свою судьбу»⁶. Подобное местное самоуправление отсутствует

не по причине внешней злой воли, а по причине отсутствия его базиса – местного (общинного) начала.

Без чувства живой общности мы не можем говорить о национальной идее, так как в этом случае мы не являемся нацией, мы – электорат, население, открытое социальным экспериментам над собой и внешним завоеваниям. Таким образом, русская философия на современном этапе должна с вселенских глобальных идей переключиться на темы подлинной общности, говорить о братстве ближних, т. е. тех, кто живет рядом. Это более продуктивно, чем пропагандировать русское вселенское мессианство. Сегодня складываются благоприятные условия для возрождения живой общности: война с коллективным Западом консолидирует российское общество; осознание смертельной для нашей цивилизации опасности приводит к пониманию нашей общей судьбы. Пример живого братства сегодня показывает Донбасс: восемь лет жизни под обстрелами и бомбардировкой привели к сплочению русского мира. Люди живут одной общей жизнью.

Итак, для успешной реализации русской идеи необходимо: утверждение и сохранение национальной традиции, защита нации как ценности и русской православной культуры, сбережение человека – как ответ на вызов постмодернизма; оформление и юридическое закрепление сплачивающей нацию единой государственной идеологии, возрождение социальной соборности как живой общности.

⁶ Солженицын А.И. Наш дух сильнее гнетущего бытия // ЛиФ. 2001. № 4. С. 3.